

Къ вопросу о реформѣ духовнаго судопроизводства.

Въ духовной печати поднять вопросъ о преобразованіи нашего духовнаго суда. Въ виду важности этого вопроса разсмотрѣніе его должно быть всестороннимъ и основательнымъ.

Матеріаломъ для духовнаго, какъ и для всякаго суда, служитъ производство слѣдствія. Но въ свѣтскомъ судѣ слѣдователь производитъ, такъ называемое, предварительное слѣдствіе, которое даетъ матеріаль для втораго полнаго слѣдствія, производящагося въ присутствіи истца, обвиняемаго и свидѣтелей въ подлежащемъ судебномъ мѣстѣ. Въ духовномъ же судѣ предварительнаго слѣдствія нѣтъ. Здѣсь производится одно только слѣдствіе слѣдователемъ-священникомъ, и на основаніи добытыхъ этимъ слѣдствіемъ данныхъ, консисторія и дѣлаетъ свое постановленіе.

Вполнѣ ли цѣлесообразна такая постановка слѣдственнаго производства въ духовномъ судѣ и вполнѣ ли ограждено правосудіе отъ разныхъ злоупотребленій въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ слѣдственное дѣлопроизводство?

Намъ кажется, что нѣтъ. Хотя по правиламъ на должность духовныхъ слѣдователей должны выбираться священники вполнѣ честные и добросовѣстные, но бываютъ такіе случаи, когда честность и безпристрастіе слѣдователя не могутъ устоять противъ разнаго рода искутаній и соблазновъ. Духовный слѣдователь назначается епархіальнымъ начальствомъ изъ среды духовныхъ лицъ извѣстнаго благочинія. Лицо это, живя болѣе или менѣе продолжительное время въ благочиніи, знаетъ, конечно, всѣхъ членовъ причтовъ благочинія; а зная ихъ, онъ не можетъ одинаково относиться ко всѣмъ причтамъ. Естественно, что одни члены причта будутъ ему симпатичны, а другіе антипатичны и немного найдется такихъ лицъ, къ которымъ онъ относился бы вполнѣ безразлично. Отсюда понятно, что въ случаѣ слѣдствія надъ извѣстнымъ членомъ благочинія онъ, слѣдователь, будетъ направлять слѣдствіе въ благопріятную или неблагопріятную для обвиняемаго сторону, смотря по тому, — симпатиченъ или нѣтъ ему обвиняемый. Можетъ быть, въ дѣнномъ случаѣ слѣдователь ничего противозаконнаго и не сдѣлаетъ, всѣ формы слѣдственнаго производства будутъ выполнены, однакожь, опытное въ слѣдственныхъ дѣлахъ лицо всегда замѣтитъ особое освѣщеніе слѣдственнаго дѣла въ пользу симпатичнаго слѣдователю лица. Но это, впрочемъ, только половина бѣды.

Главная то бѣда заключается въ томъ, что духовный слѣдователь при производствѣ слѣдствія можетъ злоупотреблять, и злоупотребленіе это при

настоящей постановкѣ слѣдственнаго дѣла нѣтъ возможности обнаружить. Злоупотребленіе слѣдователя можетъ касаться самой важной стороны слѣдствія—показанія свидѣтелей. Передаютъ, какъ анекдотъ, что въ былое время былъ одинъ слѣдователь-священникъ, который, если нужно было ему, записывалъ въ дѣлѣ не то показаніе, которое дѣлалъ ему свидѣтель-крестьянинъ, а совсѣмъ противоположное; но чтобы у свидѣтеля и депутата не было никакого сомнѣнія въ правильности записи показанія, послѣднее слѣдователь читалъ имъ и, благодаря своей прекрасной памяти, читалъ не то показаніе, которое записывалъ, а слово въ слово то, которое именно сдѣлалъ ему свидѣтель.

Конечно, въ настоящее время, можетъ быть, и совсѣмъ не найдется такихъ духовныхъ слѣдователей, которые бы такъ грубо искажали показанія свидѣтелей. Но могутъ быть такіе случаи, когда слѣдователь, руководясь своими соображеніями, можетъ въ показанія свидѣтелей вставлять словами выраженія, значительно видоизмѣняющія смыслъ и характеръ показанія. Бываютъ случаи, когда въ такихъ поступкахъ слѣдователь почти не виноватъ: есть свидѣтели, которые даютъ очень неопредѣленные показанія и затрудняются формулировать свои показанія, тогда на помощь имъ приходитъ слѣдователь. Злоупотреблять показаніями свидѣтелей слѣдователю тѣмъ легче, что показанія свидѣтелей онъ можетъ не прочитывать имъ, такъ какъ свидѣтели, по крайней мѣрѣ, изъ крестьянъ, никогда не просятъ объ этомъ слѣдователя, вполнѣ, навѣрное, полагаясь на его добросовѣстность. У свидѣтелей-крестьянъ только одна мысль при слѣдствіи: какъ бы поскорѣе отбыть тяжелую повинность свидѣтеля и возвратиться домой. Нѣсколько препятствуетъ слѣдователю злоупотреблять при слѣдствіи присутствіе, въ качествѣ депутата, волостного засѣдателя или сельскаго старосты.

Дѣйствительно, депутатъ внимательно слушаетъ показанія свидѣтелей, но думать, что онъ можетъ разобраться въ деталяхъ и отгѣнкахъ показаній каждаго свидѣтеля, особенно если депутатъ неграмотный, едва ли есть основаніе; а спустя мѣсяць или два послѣ слѣдствія онъ навѣрное и всѣ показанія свидѣтелей забудетъ.

Изъ всего сказаннаго видно, что слѣдственное дѣло благочинническаго слѣдователя должно контролироваться и провѣряться высшей духовной судебной инстанціей. Провѣрка эта должна заключаться въ производствѣ, на основаніи данныхъ, добытыхъ духовнымъ слѣдователемъ дополнительнаго слѣдствія; причемъ въ судебномъ учрежденіи должны вызываться на лицо истецъ, обвиняемый и свидѣтели той и другой стороны. При такой

постановкѣ слѣдственнаго производства никакой слѣдователь не отважится злоупотреблять такимъ отвѣтственнымъ и важнымъ дѣломъ, какъ производство слѣдствія.

Что особенно важно, такъ это то, что при настоящей постановкѣ слѣдственнаго производства обвиняемый имѣетъ мало возможности оправдываться предъ судомъ, хотя духовный слѣдователь предоставляетъ обвиняемому полную свободу и возможность писать въ свое оправданіе все, что можетъ. Немного странно, что нѣкоторые обвиняемые, несмотря на предложеніе слѣдователя и указаніе подлежащей статьи Устава дух. консисторіи, отказываются читать слѣдственное дѣло, ссылаясь на то, что они знаютъ уже показанія свидѣтелей. Дѣйствительно, показанія свидѣтелей обвиняемые знаютъ: знаютъ они отъ самихъ свидѣтелей, которыхъ обвиняемые караулятъ гдѣ нибудь на дворѣ, знаютъ ли отъ самого слѣдователя, который при всемъ своемъ пристрастіи принужденъ читать показанія свидѣтелей обвиняемому. Но еслибъ обвиняемый самъ прочиталъ слѣдственное дѣло, побольше-бы подумалъ, то, можетъ быть, усмотрѣлъ бы какія-нибудь противорѣчія въ показаніяхъ свидѣтелей или неполноту ихъ показаній. Если же обвиняемый не только не заявляетъ никакихъ претензій, но даже пишетъ на слѣдственномъ дѣлѣ, что слѣдствіемъ онъ доволенъ, то слѣдователю остается только дѣло представить въ консисторію. Впрочемъ, нужно замѣтить, что сравнительно рѣдко бываетъ, когда обвиняемые не читаютъ сами слѣдственнаго дѣла.

Въ большинствѣ случаевъ не читаютъ дѣло обвиняемые изъ низшихъ членовъ причта: какой нибудь псаломщикъ, видя, что слѣдователь не «въ духѣ» (а «въ духѣ» быть ему рѣшительно не отъ чего: его въ приходѣ ждутъ требы или свадьбы, здѣсь, при слѣдствіи, онъ физически или нравственно разбитъ, вознагражденія никакого) или, опасаясь какъ бы худое расположеніе слѣдователя не повліяло на него или на его дѣло, онъ и проситъ слѣдователя закончить дѣло.

Вообще производство слѣдствія духовными слѣдователями, особенно окончаніе ихъ, иногда носитъ на себѣ характеръ поспѣшности и торопливости, а это не можетъ, конечно, не отражаться неблагоприятно для обвиняемаго при рѣшеніи дѣла въ консисторіи.

Со введеніемъ въ духовное судопроизводство гласнаго, по примѣру свѣтскаго, суда, съ личнымъ присутствіемъ на немъ истца, обвиняе-

маго и свидѣтелей, обвиняемый имѣлъ бы больше возможности оправдываться; при чемъ желательно, чтобы на судѣ присутствовалъ и защищалъ обвиняемаго защитникъ или адвокатъ. Необходимость на судѣ защитника вытекаетъ изъ того обстоятельства, что какъ-бы обвиняемый ни былъ развитъ, смѣлъ и находчивъ, но, придется предъ судомъ въ качествѣ обвиняемаго, онъ можетъ потеряться и не сказать въ свое оправданіе многое изъ того, что сказалъ бы, не находясь въ положеніи обвиняемаго. Другое дѣло—защитникъ. Не будучи прямо заинтересованнымъ въ судьбѣ и положеніи обвиняемаго, онъ спокойно и основательно можетъ излагать предъ судомъ доводы, клонящіеся къ оправданію обвиняемаго.

Затѣмъ, цѣлесообразность гласнаго судопроизводства видна изъ того, что позволялись бы словесныя пренія между сторонами, а это сильно бы вліяло на выясненіе и раскрытіе всѣхъ обстоятельствъ дѣла.

Возьмемъ для примѣра обвиненіе въ нетрезвости. Есть лица, которые, выпивъ почти сразу бутылку водки, мало пьянѣютъ и почти ни въ чемъ не выражаютъ своей нетрезвости, и наоборотъ, есть люди, которые, выпивъ рюмки 2—3 водки, замѣтно дѣлаются выпившими и нетрезвость ихъ для постороннихъ лицъ внѣ сомнѣнія. Теперь спрашивается, который изъ этихъ двухъ лицъ болѣе виновенъ въ нетрезвости—первый, или второй? При настоящемъ состояніи слѣдственнаго производства нѣтъ ничего удивительнаго, если болѣе виновнымъ въ нетрезвости окажется второе лицо. При введеніи же гласнаго дух. суда могъ бы, наоборотъ, оказаться болѣе виновнымъ первый обвиняемый, поглотившій такую массу алкоголя.

Наконецъ, такъ какъ самая высшая судебная инстанція въ епархіи и главный епархіальный судья, по канонамъ,—мѣстный епископъ, то нужно предоставить право обвиняемому самому лично или письменно раскрывать предъ епископомъ, по чистой совѣсти свой проступокъ, въ надеждѣ на его милосердіе. Сердце епископа должно вмѣщать въ себѣ всѣхъ пасомыхъ; особенно его сердцу должны быть близко порочные и заблуждающіеся члены его паствы и клира, люди больные волею (Мат. 9, 13). Если на всякомъ судѣ, то особенно на духовномъ, пусть милость хвалится на судѣ (Іак. 2, 13). Слово увѣщанія и утѣшенія, сказанное епископомъ въ христіанскомъ духѣ обвиняемому, съ неподдѣльнымъ въ нему участіемъ, можетъ сдѣлать въ одну минуту то, что

не въ состояніи сдѣлать цѣлые годы монастырской эпитиміи. Разные штрафы и послыки въ монастырь суть только палліативы для обвиняемаго, которые не могутъ совсѣмъ излечить его отъ пороковъ; радикальныя же средства заключаются, такъ сказать, въ очищеніи сердца отъ всего дурнаго, въ направленіи воли въ другую, хорошую сторону и въ благодатной помощи Божіей, и все это можетъ сдѣлать епископъ — самый естественный и справедливый духовный судья.

Священникъ Стефанъ Филипповъ.

О Ч Е Р К И

изъ исторіи Тобольской духовной семинаріи *).

(По архивнымъ даннымъ).

Несомнѣнно, что, кромѣ нехожденія въ классъ, учителя допускали и болѣе крупныя проступки, которые однако карались начальствомъ сравнительно легко. Объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣд. дѣло объ учителѣ Н. Дергачевѣ. Ученикъ грамматическаго класса Вас. Никитинъ пожаловался преосвященному, что 26 февраля 1806 г. во время репетиціи онъ былъ больно высѣченъ лозами учителемъ Н. Дергачевымъ. При допросахъ, произведенныхъ по сему поводу, Дергачевъ показаль, что онъ дѣйствительно сѣкъ ученика Никитина за лѣность, рѣзвость и частую неисправность по классу и далъ ему, примѣрно, плягъ 30 не собственноручно, но чрезъ ученика же грамматики Бурова. Послѣдній показаль, что онъ сѣкъ Никитина нѣсколько, а потомъ его соученикъ Аргентовскій, и оба дали ему примѣрно плягъ 50. Аргентовскій, подтверждая показаніе Бурова, прибавилъ при этомъ, что учитель былъ нѣсколько тогда въ подгулкѣ, въ чемъ и самъ Дергачевъ признался. На спросъ же, почему въ противность инструкціи данной, наказывалъ ученика тѣлесно, Дергачевъ показаль, что онъ учинилъ сіе партикулярно, по причинѣ той, что отецъ означеннаго мальчика просилъ его въ письмѣ имѣть за нимъ всю строгость по его рѣзости и лѣности. Наконецъ, произведенное освидѣтельство ученика Никитина подтвердило его жалобу на неумѣренность наказанія. Все добытое показаніями и изслѣ-

*) См. № 6 «Тобольск. Епарх. Вѣдом.» 1906 г.